

Министерство транспорта России
Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского

Кафедра психофизиологии и психологии труда в особых условиях

**МЕТОДИКА САУЛА РОЗЕНЦВЕЙГА «PF-study»
И ПРИМЕНЕНИЕ В КУРСЕ ПСИХОДИАГНОСТИКИ**

Методические указания для студентов специальности:
020400 «Психология», 031300 «Социальная педагогика»,
направление: 521000 «Психология» (Бакалавр)

Составила В. Г. Сахарова

Владивосток
2007

ВВЕДЕНИЕ

Многие исследователи уделяют большое внимание тесту С. Розенцвейга «PF-study», сведения о котором мы можем найти в статьях, методических разработках, пособиях, а также в различных психодиагностических сборниках [5, 7, 14, 15, 23, 24]. Этот тест имеет мировую известность. Темы курсовых и дипломных работ выпускников психологических посвящены изучению вопросов фрустрации и определению с помощью методики С. Розенцвейга способов реагирования на ситуации фрустрации.

Может возникнуть вопрос, насколько необходимо создание ещё одной методической разработки по применению теста Розенцвейга, если о нём уже так много сказано.

Дело в том, что известные нам рекомендации адресованы прежде всего специалистам-практикам. Существующие адаптированные руководства к методике также ориентированы на подготовленных специалистов. Студентам психологических факультетов эта методика даётся в курсе психодиагностики для её изучения и дальнейшего использования, но некоторые нюансы, позволяющие студентам более успешно овладеть методикой, опускаются. Например, дается инструкция по «кодированию» ответов испытуемых буквенными символами, но при этом отсутствует глубокий анализ такого кодирования и, главное, анализ возможных ошибок. Это один из уязвимых моментов в работе с тестом, особенно у начинающих.

Далее, при анализе полученных в ходе исследования результатов студентам и начинающим специалистам бывает трудно сделать их общую качественную интерпретацию. Известные нам руководства не отличаются полной информации в этом плане. У С. Е. Лукина и А. В. Суворова [14] мы находим примеры интерпретации каждого из девяти возможных вариантов ответов с учётом связи их с деловыми качествами, выявленными в исследованиях Н. Г. Хитровой [15]. Но такие исследования пока ещё единичны, а сами руко-

водства, методические пособия – до сих пор являются библиографической редкостью.

В данной разработке автор представляет материал как по самой методике и её использованию, так и по некоторым теоретическим аспектам фрустрации. Предлагаемый анализ ошибок, часто встречающихся при работе с тестом и особенно при кодировании ответов испытуемых, позволяет исследователю свести их к минимуму.

В Приложение к разработке помимо необходимых таблиц включены рисунки. Стимульный материал предлагается к трём вариантам теста (взрослому, детскому, а также к варианту «деловые ситуации»).

I. ФРУСТРАЦИЯ. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

1.1. Понятие фрустрации

Понятие фрустрации (от лат. frustratio – крах надежд, обман, расстройство планов, тщетное ожидание, провал, неудача) было введено Саулом Розенцвейгом в 1945 году, как сообщают нам Л. Ф. Бурлачук и С. М. Морозов [4].

Саул Розенцвейг, американский психолог, профессор университета Сэн-Луис, родился в 1907 году. Долгие годы он занимался изучением вопросов проективной психологии и психодиагностики. Толчком к изучению Розенцвейгом фрустрации были работы З. Фрейда. В начале 30-х годов он приступает к глубокому изучению этой проблемы. Его концепция фрустрации возникла как результат исследований способности людей воспринимать успешные и неуспешные ситуации в своей жизни.

В соответствии с теорией С. Розенцвейга «...фрустрация имеет место в тех случаях, когда организм встречает более или менее непреодолимые препятствия на пути к удовлетворению какой-либо жизненной потребности» [4, с. 122, 10, с. 119]. Н. Д. Левитов [10] подчеркивает, что фрустрация всегда указывает на чувство разочарования по поводу травмирующей ситуации неудачи и рухнувших планов [10, с. 118]. Необходимыми признаками фрустрационной ситуации, как считает Л. Ф. Бурлачук [4, с. 107], «...согласно большинству определений является наличие сильной мотивированности достичь цель (удовлетворить потребность) и преграды, препятствующей этому достижению». Барьеры, преграждающие путь к достижению цели, могут быть самыми разными – физическими, биологическими, психологическими, социальными.

С. Е. Лукин и А. В. Суворов называют и два других, наиболее распространённых определения фрустрации: «первое из них – как невозможности (или ситуации невозможности) удовлетворения уже активированной потребности из-за какого-либо препятствия, второе – как психического состояния,

возникающего вследствие противоречия факторов, блокирующих удовлетворение потребности.

И в том и другом определении фрустрация относится к ситуативным явлениям. Но иногда, правда, редко, фрустрация понимается как более или менее устойчивая характеристика, свойство личности, неспособность приспособиться к ситуации стресса. Такого понимания придерживается и сам Розенцвейг, противопоставляя фрустрации толерантность как способность справиться с фрустрирующей ситуацией без утраты психобиологической адаптации» [14, с. 5].

Если быть более строгим и взыскательным в отношении этимологии самого слова «свойство», то необходимо помнить, что свойство – прежде всего устойчивые индивидуальные особенности человека. В то время как состояние (именно как состояние рассматривает фрустрацию Н. Д. Левитов) – всегда сопряжено с определённым моментом времени, это интегральное ощущение благополучия (неблагополучия), комфорта (дискомфорта) в тех или иных подсистемах организма или всего организма. В своей статье Н. Д. Левитов рассуждает о неоднозначности понимания фрустрации: «Есть неясности и в том, к чему относить термин «фрустрация»: к внешней причине (ситуации) или к вызываемой ею реакции (психическое состояние или отдельные реакции)... В литературе можно встретить и то, и другое употребление данного термина. Было бы целесообразно ... различать фрустратор и фрустрацию – внешнюю причину и её воздействие на организм и личность» [10, 119]. Если исходить «... из понятия фрустрации как психического состояния, мы даём ей такое определение: фрустрация – состояние человека, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения и вызываемое объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, на пути к достижению цели или к решению задачи» [Там же, с. 120].

В изучении теории фрустрации, в понимании этого слова различные концепции и точки зрения, с одной стороны, действительно расширяют

«возможности данного понятия и его дальнейшего развития» [14, с. 5], а с другой – такое расширение вносит сумятицу в поиске истины и ясности понимания фрустрации. Понятие фрустрации, как и многие другие понятия в психологии, на сегодня остаётся далеко не однозначным, и каждый исследователь выбирает из всего многообразия объяснений фрустрации то, которое ему ближе, то, которое, на его взгляд, является самым верным. Более подробное изучение литературы, в том числе и рекомендованной автором, поможет студентам разобраться в этом вопросе.

Во всем многообразии предлагаемых формулировок автор отдаёт предпочтение той, в которой фрустрация рассматривается не как свойство, устойчивая характеристика, неспособность адаптироваться к фрустрации, а как состояние, так как ситуация фрустрации – это только ситуация, ограниченная каким-то отрезком времени. Состояние человека в такой ситуации и даже после неё тоже ограничено каким-то временем. Состояние – это менее устойчивая характеристика личности, оно относительно легко меняется и зависит от многих факторов и ситуаций фрустрации в том числе.

1.2. Фрустрация и потребности

Обратимся к словарю. Потребность (в психологии) означает состояние человека, то есть то, что всегда связано с каким-то отрезком времени, «...создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности... Потребность обнаруживается в мотивах (влечениях, желаниях и т. п.), побуждающих человека к деятельности и становящихся формой проявления потребности» [19, с. 287].

Состояние фрустрации возникает, по мнению Розенцвейга [Цит. по: 6, 10, 23, 24], именно тогда, когда на пути к удовлетворению какой-либо потребности возникает препятствие, которое субъективно воспринимается человеком как непреодолимое. Удовлетворение потребности снимает конфликт

и открывает путь к здоровью, как считает А. Маслоу, но не все потребности могут быть удовлетворены, не все планы осуществимы. На пути к ним могут быть самые различные помехи, преграды, препятствия, которые не бывают незначимыми для человека, а потому могут существенным образом изменить его эмоциональное состояние, повлиять на его поведение. Состояние фрустрации вынуждает человека прибегать к различным психологическим защитами, которые существуют и на уровне организма. С. Розенцвейг [Цит. по: 4] называет три уровня защит при состоянии фрустрации.

Первый из них – клеточный, или иммунологический уровень, на котором защита основана на действии фагоцитов, антител кожи и т. д. Этот уровень представляет собой исключительно защиту организма против воздействия инфекций.

Второй уровень – это автономный уровень, или уровень «немедленной необходимости» по терминологии В. Кеннона. На втором уровне происходит защита организма в целом от физических угрожающих факторов. В психологическом плане этот уровень соответствует страху, страданию, ярости. В физиологическом – это изменения в организме, происходящие, как при стрессе.

И третий, кортикальный, или высший уровень психологической защиты организма при фрустрации – это уровень защиты «Я». Именно этот уровень осуществляет защиту организма от психологической угрозы, психологической агрессии. Это уровень, который собственно и рассматривается в теории фрустрации. Типы, направленности реакций человека при фрустрации, описанные Розенцвейгом, относятся к третьему, кортикальному уровню.

Разграничение уровней, конечно, условно, все они взаимосвязаны и перекрывают друг друга. Такие состояния, как страдание, страх, тревога, относятся ко всем трём уровням, но тем не менее, страдание относится одновременно к первому, клеточному, и второму, автономному уровням. На клеточном уровне идёт защита от страдания организма, органов, тела. На автономном – защита организма в целом от страдания, от физических угрожающих

факторов. И только тревога относится исключительно к третьему, кортикальному уровню, так как только психологическая угроза может вызвать тревогу.

Неудовлетворенная потребность вызывает разные типы фрустраций, выделенные С. Розенцвейгом в три группы [10].

К первому он относит ситуации нужды, когда отсутствуют необходимые средства для достижения цели или удовлетворения потребности. В качестве иллюстрации внешнего лишения, то есть случая, когда фрустратор находится вне самого человека и недостижим для него, может служить следующая ситуация: человек, например, голоден, но не может удовлетворить свою потребность, так как нет пищи. Есть потребность, но отсутствует то, что может её удовлетворить.

Примером внутреннего лишения может служить ситуация, в которой человек чувствует влечение к женщине, но осознает, что сам он настолько непривлекателен, что не может рассчитывать на взаимность. Он не имеет в себе того, что могло бы удовлетворить его потребность.

Второй тип составляют ситуации потери, утраты, лишения. Потери могут быть как внешние, так и внутренние. Смерть близкого, утрата материальных ценностей – это примеры внешних потерь. К внутренним потерям можно отнести утрату уверенности в себе, ощущения силы и т. д.

Третий тип реакции возникает при наличии препятствия или противодействия на пути, ведущем к удовлетворению потребности. Допустим, человек голоден, есть потребность в пище, есть пища, но он не может удовлетворить эту потребность, так как кто-то или что-то мешает это сделать: пришёл посетитель, зазвонил телефон и т. д.

Третий тип ситуаций рассматривается и как конфликт: если у мужчины есть желание соблазнить женщину, но его нравственные устои блокируют это желание, мы можем рассматривать эту ситуацию как внутренний конфликт. Сложнее определить ситуации внешнего конфликта. Об этом пишет в

своей статье Н. В. Левитов: «...Совсем не годится называть конфликтом случаи, когда человек встречает на своём пути внешнюю непреодолимую преграду», если эта преграда, например, бурная река [10, с. 123]. Может ли быть конфликт с бурной рекой, которая оказалась для человека непреодолимым препятствием на пути? Но может ли быть внешним препятствием конфликт с другим человеком, который является теперь для него препятствием на пути к достижению цели? Можем ли мы отнести такую ситуацию к внешнему конфликту? Наверно, это допустимо.

В зависимости от характера помех, активных или пассивных, по мнению Розенцвейга, возникают и соответствующие им фрустрации. При пассивной помехе фрустрация возникает, если не удовлетворена какая-либо первичная потребность – голод, жажда, сексуальные потребности и т. д. При активной помехе бывают не удовлетворены дополнительные потребности или потребности второго порядка, обеспечивающие чувство личностной, психологической безопасности человека. Неудовлетворенность в такой безопасности может быть вызвана ненадежностью близких людей, их вероломностью, их нелюбовью.

При пассивной фрустрации наблюдается особый тип реагирования, так называемая реакция продолженной потребности. Она возникает после каждой фрустрации вновь и вновь. Цель реакции продолжения потребности – удовлетворить потребность тем или иным способом.

При активном типе фрустрации возникают реакции защиты «Я» как личности в целом. Они возникают только в особых случаях угрозы личности, это более сложные реакции, которые С. Розенцвейг разделил по направленности и типам, о чём ниже будет сказано подробнее.

Реакции фрустрации рассматриваются С. Розенцвейгом и с точки зрения их адекватности. Реакции адекватны, если они указывают на конструктивные тенденции личности, и неадекватны, если таковые отсутствуют. В ответах продолженной потребности Розенцвейг выделяет ответы адекватной

персистенции (от лат. *persistere* – пребывать, оставаться), при которых характерно более устойчивое состояние, существующее длительное время. Поведение человека повторяется вопреки препятствиям и оно целенаправленно.

При неадекватной персистенции повторяющееся поведение отличается неэффективностью и неопределенностью.

Адекватными ответами при защите «Я» считаются те, которые могут быть оправданы в силу существующих обстоятельств.

Если, например, не обладая нужными качествами, человек ввязывается в какое-то предприятие и терпит фиаско, и обвиняет за это себя, то в этом случае его ответ адекватен. Но если провалу предприятия «помогли» другие люди или обстоятельства, а человек, тем не менее, винит за случившееся только себя – такая реакция признается неадекватной.

Типы фрустраций, реакций на них, выделенные Розенцвейгом по определённым признакам, могут вызывать затруднение в их дифференциации. Попробуем представить это схематично.

Итак, если есть какая-то потребность, а на пути к её удовлетворению существует некая преграда, то это вызывает фрустрацию как некое особое состояние человека. Розенцвейг выделяет три уровня реакций организма на неё: клеточный, автономный и кортикальный.

На кортикальном уровне (теория фрустрации рассматривает именно этот уровень) находим три типа ситуаций, вызывающих фрустрацию:

- ситуации нужды (внешняя или внутренняя потребность);
- ситуации потери, утраты, лишения того, что человек имел (внешние и внутренние потери);
- ситуации конфликта (ситуации препятствия).

Относительно характера помех Розенцвейгом определены ещё два типа фрустраций: пассивная (уровень первичных потребностей) и активная (уровень вторичных, дополнительных потребностей).

Сами реакции на фрустрацию делятся на два основных типа: продолженной потребности (адекватный и неадекватный типы реагирования) и реакции защиты «Я» (также адекватные и неадекватные).

Перечисленные типы защит, фрустраций, ситуаций и реакций на них представим в таблице 1.

Таблица 1

Защиты	Фрустрации	Ситуации	Реакции
1. Клеточный	—		—
2. Автономный	—		—
3. Кортикальный	1. Пассивный	1. Ситуация нужды	1. Продолженная потребность
	2. Активный	1. Ситуация утраты	—
		2. Ситуация конфликта	1. Защита «Я»

1.3. Фрустрация и агрессия

Ссылаясь на Р. Баркера, Т. Дембо и К. Левина, Ф. Е. Василюк [6] в своей работе называет основные виды фрустрационного поведения: двигательное возбуждение как бесцельные и неупорядоченные реакции; апатию, стереотипию как тенденцию к слепому повторению фиксированного поведения; регрессию в виде возврата к доминирующим моделям поведения прошлого; деструкцию и агрессию [6]. Н. К. Майер [Цит. по: 10] называет стеническую и астеническую формы фрустрации. Стеническая форма выражается прежде всего в агрессии. Сюда же относятся фиксация, а также «уход» в отвлечённую от фрустрации деятельность.

Астеническая форма может также иметь агрессивное проявление, но с фиксацией её трудно спутать, так как отсутствует своеобразная маниакальность. К астеническим формам относится и регрессия, при которой понижается уровень активности и деятельности человека.

Самой распространенной, ярко проявляющейся, а потому более изученной и подробно описанной является реакция агрессии на фрустратор. Агрессивному реагированию есть много объяснений, причём они весьма неоднозначны, противоречивы, а зачастую прямо противоположны.

Фрустрация, как нам уже известно, вызывается преградой на пути к удовлетворению потребности, а согласно концепции З. Фрейда, изначальной реакцией на помеху в поисках удовольствия является атака или чувство враждебности к источнику фрустрации.

Р. Берон и Д. Ричардсон [2], ссылаясь на И. Долларда, также указывают на связь фрустрации и агрессии. Из основных положений, рассматриваемых в теории фрустрации агрессии, они называют следующие постулаты:

Фрустрация всегда приводит к агрессии в какой-либо форме.

Агрессия всегда является результатом фрустрации. При этом фрустрация не вызывает напрямую реакции агрессии, а скорее провоцирует агрессию, побуждает к ней, что в дальнейшем облегчает проявление агрессивного поведения или поддерживает, сохраняет его.

Эту же точку зрения разделяют Н. Миллер, Н. Р. Мауэр, Л. Дуб – работники института человеческих отношений при Йэльском университете [Цит. по: 10].

Казалось бы, всё просто и ясно. При более длительном и глубоком рассмотрении агрессии оказалось, что она является следствием многих факторов помимо фрустрации.

По мнению Н. Миллера, фрустрация порождает различные модели поведения, и агрессия является лишь одной из них.

И. Доллард и его коллеги полагают, что в побуждении к агрессии «...решающие значения имеют три фактора:

- степень ожидаемого субъектом удовлетворения от будущего достижения цели;
- сила препятствия на пути достижения цели;
- количество последовательных фрустраций.

То есть, чем в большей степени субъект предвкушает удовольствие, чем сильнее препятствие и чем большее количество ответных реакций блокируется, тем сильнее будет толчок к агрессивному поведению» [2, с. 40].

Даже если агрессия не проявляется на фрустрацию, это не значит, что её нет. И. Доллард и его соавторы по-прежнему были уверены, что она только отсрочена, замедлена или скрыта из-за угрозы наказания.

Они предполагали, что даже скрытая агрессия играет роль некоей формы катарсиса, снижающего уровень побуждения к последующему проявлению агрессии. Из этого может быть сделан вывод, что выражение агрессии необходимо поощрять, так как это снимает напряжение. И, может быть, это допустимо в игровой и некоторых других формах терапии. Но в этом случае мы можем иметь «палку о двух концах» – если агрессивные действия повторяются и оправдываются тем, что они снимают фрустрационное напряжение, то они становятся привычными, дозволенными. В подтверждение этому мы находим в статье Т. Г. Румянцевой [19] сведения о том, что широко распространенное мнение об эффективном катарсическом освобождении враждебных импульсов слишком преувеличено. Более того, иногда катарсические методы на практике давали обратный эффект: разгневанные индивиды причиняли боль тем, кто непосредственно спровоцировал их на такое поведение. Катарсического освобождения от агрессии на объектах, заменяющих обидчика, не происходило. Предположение, что агрессивность может быть устранена при помощи катарсиса, не было доказано, по крайней мере в исследовани-

ях С. Фетбаха, А. Бандуры, А. Фрацека. Тем не менее, И. Доллард и соавторы были настроены более оптимистично, чем З. Фрейд, в отношении возможной пользы катарсиса [Цит. по: 2].

Не все фрустрированные личности и не всегда прибегают к агрессии (вербальной или физической), нападая на других. При фрустрации мы можем наблюдать весь спектр измененных под воздействием фрустратора реакций – от покорности и уныния до активных и агрессивных действий.

Да, фрустрация способствует агрессии, но это бывает не всегда; она вызывает агрессию прежде всего у людей, которые усвоили привычку реагировать на фрустрацию и другие авersive (от англ. aversion – отвращение, антипатия) стимулы агрессивным поведением. Фрустрация – это один из авersive стимулов, который может провоцировать агрессивные ответы, но не приводит к агрессивному поведению. Она скорее создает готовность к такому поведению. Агрессивное поведение возникает только тогда, когда есть соответствующие послышки к агрессии – средовые стимулы, провоцирующие злость и агрессию. При определённых условиях роль послышек к агрессии могут играть и люди, и физические объекты. Л. Берковец [Там же] считает, что люди с физическими отклонениями в каком-то смысле обречены притягивать к себе страдания и быть объектами проявления враждебности, так как сам их дефект или болезнь могут спровоцировать на агрессивные действия людей, предрасположенных к таковым.

Он утверждает также и то, что усиливать стремление действовать агрессивно могут и безуспешные попытки причинить вред тому, кто вызвал фрустрацию. И только успешные атаки с причинением ущерба объекту агрессии могут ослаблять или полностью устранять агрессивное поведение.

Какой-то стимул может приобрести агрессивное значение, если он связан с позитивно подкрепленной агрессией или ассоциируется с пережитыми ранее дискомфортом и болью.

Большинство психологов считают, что связь между фрустрацией и агрессией не такая жесткая, какой её видели И. Доллард и его коллеги.

В то же время сама агрессия может иметь место при полном отсутствии фрустраторов, когда агрессивным поведением движет совсем иная сила: деньги, садистские наклонности, ожидания награды, чья-то воля, приказ и т. д. Наемный убийца вряд ли фрустрирован своей жертвой, с которой он никогда не был знаком, которая не причинила ему никакого вреда. Так же и стреляющий по мирным жителям солдат, не был фрустрирован ими [2].

Розенцвейг рассматривает агрессивные ответы и их различие между внешней и внутренней направленностью с позиций психоаналитической концепции отношений с родителями. Большинство реакций на фрустрацию в детстве представляют собой атакующее поведение ребёнка, его стремление устранить препятствия. Уже у новорожденного мы можем наблюдать ярость, вызванную полным ограничением движений. Дети с трудом засыпают, если они туго спелёнуты, а более старшие дети также сильно реагируют, но уже на другие формы ограничений их движений и действий. Блокированием является не только барьер, запрет, но и наказание, и утрата других целей. В этом случае мы уже наблюдаем конфликт. Маленькие дети искренны и выражают фрустрацию открыто. Взрослея, они начинают прибегать к вербальной агрессии или же сами пытаются фрустрировать других своими поступками, поведением.

Более устойчивое агрессивное поведение ребёнка может проявляться, во-первых, в случаях, когда после нескольких фрустраций ребёнок может развить «код» ожидания фрустрации, так называемое генерализованное ожидание фрустраций, когда длинный ряд ситуаций будет восприниматься ребёнком как потенциально фрустрирующий.

Во-вторых, его агрессивные ответы могут быть привычными, если его ближайшее окружение постоянно играет фрустрирующую роль. В этом слу-

чае агрессивное поведение может проявиться раньше, чем будет иметь место фрустрация.

И, в-третьих, агрессия вызывает контрагессию. Если характер ребёнка имеет «низкую точку кипения», т. е. он легко реагирует на провокацию, а его за это наказывают, то ребёнок может воспринимать наказание как фрустрацию. Его стремление действовать агрессивно становится преувеличенным. Но если ребёнок проявляет агрессивность, это ещё не значит, что он пережил уже много фрустраций.

1.4. Фрустрационная толерантность

Теоретики, занимающиеся проблемой мотивации [2], достаточно оптимистично рассматривают возможности предотвращения агрессивного поведения или контроля над ним, так как приписывают агрессию скорее влиянию особых условий окружающей среды (т. е. фрустрирующих, аверсивных или возбуждающих событий), нежели врожденной предрасположенности к совершению насильственных действий. Они предполагают, что устранение всех внешних источников возбуждения, или аверсивной стимуляции из окружающей среды не приведёт к исчезновению опасных случаев человеческой агрессии. К сожалению, аверсивные условия в той или иной форме встречаются настолько часто и повсеместно, что их полное устранение совершенно невозможно, нереально. Поэтому и теории, посвященные агрессивным побуждениям, подразумевают действия неиссякаемого и неизбежного источника агрессивных импульсов. И хотя подобные влияния чаще имеют внешнее, а не внутреннее происхождение, они всё ещё слишком распространены.

Реакции каждого конкретного человека на фрустрацию весьма разнообразны, индивидуальны и уникальны. Тем не менее, в них есть нечто общее, что присуще только ответам человека на фрустрацию. Следует отметить и то, что в некоторых случаях фрустраторы не вызывают фрустрацию как тако-

вую, состояние человека не меняется, по крайней мере существенно. Это объясняется толерантностью к воздействию фрустратора.

Понятие толерантности (от англ. tolerance – терпимость, допуск) также, как и понятие фрустрации, ввёл С. Розенцвейг. Н. Д. Левитов объясняет толерантность и как «выносливость, отсутствие тяжёлых переживаний и резких реакций, несмотря на наличие фрустраторов» [10, с. 123].

Толерантность к фрустрации ни в коем случае не означает абсолютного отсутствия реагирования на фрустратор. Даже при обесценивании ситуации мы можем предположить наличие толерантности, но вряд ли мы можем поставить между ними знак равенства. Когда ситуация рассматривается как пустяк, как нечто неважное, она тем не менее не есть ничто, она воспринимается человеком, но оценивается как незначимая.

Толерантность же указывает на умение относиться к случившемуся как к факту. Толерантность обычно связывают со спокойным состоянием, но в некоторых случаях, как указывает Н. Д. Левитов, «...в известном напряжении, усилении, сдерживании нежелательных реакций» также усматривается толерантность [10, с. 123]. По его мнению, толерантность может быть « типа бравоирования с подчеркнутым равнодушием, которым в ряде случаев маскируется тщательно скрываемое озлобление или уныние» [Там же]. Вряд ли можно согласиться с такой формулировкой. Напряжение, озлобление или уныние не есть спокойствие, как бы они ни были замаскированы во внешнем плане. Толерантность – это устойчивость к фрустрации, а не подмена её какой-либо защитой. Это способность человека справиться с фрустрацией спокойно, адекватно и эффективно. Там, где мы встречаем разумные и в каком-то смысле необходимые барьеры, преодоление которых нас многому учит, толерантность просто необходима. А сама фрустрация тогда имеет определённое значение в развитии человека и носит характер конструктивной, но не деструктивной. И если фрустрация – это состояние человека, которое рассматривается как реакция на фрустрирующее событие, то толерантность – это

скорее более устойчивое свойство, личностное качество, которое можно развивать, воспитывать. По мнению К. Обуховского, это можно делать путём упражнений и специально разработанных программ. Этому может способствовать и социализация способов удовлетворения потребностей, «которая основывается на подчинении их определённым ценностям культуры, в рамках которой течёт наша жизнь» [17, с. 83]. При этом не следует подменять понятие фрустрационной толерантности контролем агрессии, какие бы методы для этого ни

использовались. Да, техника научения, удаление внешних причин, вызывающих агрессию, определённые целенаправленные воспитательные мероприятия или физиологические методы снижают уровень агрессивности [19]. Контроль агрессии не равен фрустрации, но способен оказывать положительное влияние на неё.

О возможности воспитания толерантности к фрустрации, и, прежде всего, снижения агрессивности как реакции на неё, можно прочитать в удивительной статье М. Липмана «Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия» [11], а также в статье «Нравственность, агрессия, справедливость» [16].

II. МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ФРУСТРАЦИОННЫХ РЕАКЦИЙ

С. РОЗЕНЦВЕЙГА «PF-study»

(ROZENSVEIG PICTURE FRUSTRATION STUDY)

2.1. Описание методики и её диагностических возможностей

Характеристика методики

Как уже упоминалось ранее, С. Розенцвейг изучал вопросы реакций человека в ситуациях успеха и неуспеха, в ситуациях, когда на пути к цели существуют непреодолимые, как ему кажется, препятствия.

Такое положение вещей влияет на эмоциональное состояние субъекта, меняет его. Спектр реакций человека на подобные ситуации весьма обширен – от состояния растерянности, пассивности, бездеятельности или опустошённости до резких агрессивных действий. Кроме таких, диаметрально противоположных по характеру реакций, наблюдается ещё ряд отличающихся один от другого типов реагирования.

Диагностика таких состояний позволяет решить самые разные задачи – от диагностики как определения и констатации того или иного состояния до прогнозирования поведения человека в ситуациях фрустрации. Эти задачи решаются с помощью методики С. Розенцвейга «PF-study», которая была разработана автором на основании его теории фрустрации и впервые описана в 1944-1945 гг. В 1948 г. Розенцвейг создаёт детский вариант методики [4, 14, 23, 24]. Взрослый вариант предназначен для испытуемых 13 лет и старше, детский – для испытуемых 8–12 лет.

В России тест после его адаптации Н. В. Тарабриной [24] был издан в 1984 г. и получил распространение под названием «Методика изучения фрустрационных реакций».

За время существования теста появились данные разных авторов, подтверждающие его важность, надёжность и широкие возможности интерпретации полученных с его помощью результатов [4, 14].

В словаре-справочнике по психодиагностике Л. Ф. Бурлачука и С. М. Морозова мы находим ссылку на имеющиеся в зарубежной литературе данные, согласно которым «... коэффициент надёжности ретестовой состав ляет 0,60–0,80. Достаточно высока валидность, например, по параметру экстрапунитивности, выявленному независимо по Р. р. ф. м., и тематической апперцепции теста, она составляет 0,747. Имеются и первые нормативные данные, полученные на выборке студентов вузов, полученные К. Д. Шафранской в 1976 году» [4, с. 122].

В бывшем Советском Союзе адаптированный Н. В. Тарабриной (1973) тест использовался, прежде всего, для дифференциальной диагностики неврозов и при прогнозировании общественно опасных действий больных [Там же].

Область применения теста с годами становится всё шире. Н. Г. Хитрова [15, 20] предлагает свой вариант методики, который используется для определения реакций на фрустрацию в деловых ситуациях. Она считает, что комплексное изучение психологических свойств личности, относящихся к решению социального поведения человека в процессе труда, требует оценки его поведения, в ситуации принятия решения. Она ссылается на экспериментальные исследования деятельности инженеров (в первую очередь – руководителей) в которых использовала свой вариант теста.

Валидность теста «Деловые ситуации» определялась путём сопоставления его результатов, полученных на выборке из 40 руководителей одного из предприятий г. Вильнюса с результатами теста С. Розенцвейга на той же выборке. Корреляционный анализ выявил положительные связи между идентичными факторами методик.

Валидность этого теста доказывается и сопоставлением её результатов с данными групповой оценки личности, отражающей мнение коллектива об этой личности. В данном исследовании приняли участие 111 инженеров одного из КБ г. Красноярск [20].

Тест С. Розенцвейга характеризуется как достаточно структурированный, он направлен на определённую область поведения и обладает относительно объективной процедурой оценки, он более доступен статистическому анализу, нежели большинство проективных методик. Исследования указывают на всё новые диагностические возможности теста, позволяющие исследовать и такой феномен личности, как освобождение от фрустрации в ситуациях взаимодействия с другим человеком [8, с. 86].

Обнаружение детерминант свободы–несвободы от фрустрации – устойчивых индивидуальных особенностей человека и личностных качеств, влияющих на выход из фрустрирующих ситуаций, – явилось основой исследования, результаты которого представлены Е. И. Кузьминой [8, с. 86] на страницах журнала «Вопросы психологии». Свобода от фрустрации, по мнению автора статьи, даёт человеку возможность преодолеть препятствие к самореализации. По её мнению, несвобода – это фрустрационное состояние, возникающее при осознании и переживании того, что границы возможностей, мешающие самореализации, непреодолимы. Определить фактор свободы–несвободы от фрустрации нам также позволяет тест Розенцвейга.

По своим характеристикам эта методика занимает среднее положение между ассоциативным экспериментом и тематическим апперцепционным тестом (ТАТ). ТАТ она напоминает тем, что использует в качестве стимульного материала картинки. Но в отличие от картинок ТАТ эти рисунки довольно однообразны по характеру и (что является более существенным) используются для того, чтобы получить от испытуемого краткие сравнительно простые и незамысловатые ответы. Таким образом, как далее указывает Н. В. Тарабрина [23], эта техника сохраняет некоторые из объективных преимуществ ассоциативного эксперимента и в то же время, применяется для исследования тех аспектов личности, которые стремятся выявить с помощью ТАТ.

В пользу ассоциативности говорит и сам стимульный материал, представляющий собой схематические контурные рисунки*, на которых изобра-

* Иногда, в Приложениях к тесту, особенно в современных психологических сборниках и руководствах, изданных в последние годы [1, 7, 15, 27], авторы «поправляют» Розенцвейга и дорисовывают лица персонажей, изображенных на картинках. Но кажущаяся «безликость» этих персонажей – не упущение, а требование теста. Безликость персонажей подчеркивает их эмоциональную невыразительность, невовлеченность. Выражение лиц участников фрустрирующей ситуации может навязать испытуемому какое-то эмоциональное переживание или, по крайней мере, способствовать этому. Для чистоты эксперимента нужно использовать стимульный материал перепечатанный из первоисточников.

жены два или более человек, находящихся в определенной ситуации, являющихся участниками этой ситуации.

В соответствии с инструкцией испытуемый должен сообщить первый ответ, пришедший ему в голову. Очевидно, что эта процедура должна выявить первую ассоциацию (как в тесте прямых вербальных ассоциаций).

Иногда тест Розенцвейга называют проективным, полупроективным, ситуативным, ассоциативным [4, 10, 23 и др.]. Такая неоднозначность в классификации теста может вводить в некоторое заблуждение, но не снижает его диагностической ценности.

Диагностические возможности методики

Как уже сообщалось ранее, методика Розенцвейга применялась прежде всего в клинической психологической диагностике. В дальнейшем её границы расширились, она стала популярна в психологическом консультировании, с её помощью наблюдают динамику психического состояния клиента, участвующего в психотерапевтическом процессе. Тест используется и при проведении психологической судебной экспертизы, когда необходимо определить особенности реагирования субъекта на трудные, фрустрирующие ситуации, его поведение в таких ситуациях. При решении некоторых вопросов профессионального отбора информация, полученная с его помощью, является весьма ценной и может играть роль определённого критерия при отборе кандидатов на те должности, где ситуации фрустрации скорее норма, чем исключение.

При наличии каких-то проблем во взаимоотношениях в семье, с коллегами или в межличностных отношениях с другими людьми тест позволяет определить причину таких затруднений. Особенно, если он используется наряду с другими методами, позволяющими выявить причину проблемы общения или межличностного конфликта.

С особой симпатией к тесту относятся детские психологи. Его диагностические возможности позволяют им решать целый ряд сложных психологических вопросов, связанных с поведением ребёнка или подростка вообще, а также в случаях асоциальных устремлений в их поведении. Сведения, полученные при помощи данной методики, используются при разработке конкретных воспитательных и психологических мероприятий.

2.2. Стимульный материал теста

Стимульный материал теста (Прил. 5) представляет собой 24 рисунка, пронумерованных в возрастающем порядке, на которых изображены персонажи, оказавшиеся в ситуации фрустрации. Рисунки соответственно ситуации разделены на две группы.

В первую группу входят ситуации препятствия «Я» или эгоблокинговые.

В этих ситуациях какое-то препятствие или персона фрустрируют человека. Таких ситуаций 16, они изображены на карточках №№: 1, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 20, 22, 23, 24.

Вторая группа представлена ситуациями препятствия «Сверх-Я» – суперэгоблокинговыми.

Субъект, оказавшийся в такой ситуации, обвиняется в том, что создал ситуацию фрустраций, и такое обвинение теперь уже является фрустрирующим для него. Карточек с изображением таких ситуаций 8. Их номера: 2, 5, 7, 10, 16, 17, 19, 21.

Как отмечает Н. В. Тарабрина [23, 24], между этими типами ситуаций существует связь, так как предполагается, что обвинения возникают на основе предшествовавшей ситуации «препятствия», в которой обвиняющий был сам фрустрирован. Этим объясняется тот факт, что испытуемые могут интерпретировать ситуацию «обвинения» как ситуацию «препятствия» и наоборот.

Стимульным материалом к варианту теста, предложенному Н. Г. Хитровой [15, 20] являются 20 рисунков, изображающих фрустрирующие ситуации в деловых взаимоотношениях.

III. ПРОВЕДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Процедура обследования с помощью теста С. Розенцвейга

Процедура обследования с помощью теста «PF-study» включает в себя несколько этапов. Сначала испытуемому предлагают набор из 24 рисунков. Для правильного выполнения задания дается инструкция, которая несколько отличается при индивидуальном и групповом обследованиях.

Наибольшее распространение получила инструкция, представленная в работе Н. В. Тарабриной [23], поэтому она приводится ниже без сокращения и изменения.

Другие варианты инструкции описаны в работе С. Е. Лукина и А. В. Суворова и также предлагаются вниманию читателя [14]. То, что испытуемому следует в соответствии с инструкцией «... определить, что в данный момент отвечает тот персонаж, над которым изображен пустой квадрат...», должно, по идее, переориентировать испытуемого на того, «другого», и отвечать как будто бы за него. Такой вариант инструкции подчеркивает проективный характер методики, но при такой инструкции обследуемые иногда испытывают затруднения, так как они «не знают, что он (она) там ответил(а)». В таких случаях требуется дополнительное разъяснение к инструкции, её неоднократное повторение в ходе обследования.

Если же мы не просим испытуемого представить себя на месте персонажа, к которому обращается один из участников создавшейся ситуации, чей текст обращения помещен в соответствующем квадратике, и ответить на это

обращение, то задание выполняется без уточнения инструкции. Но, к сожалению, в этих случаях испытуемый дает не проективные, а прямые ответы.

Такие, кажущиеся на первый взгляд, «мелочи» могут быть причиной разных ответов одного и того же испытуемого в случаях предъявления ему отличающихся инструкций. С другой стороны, названные различия в тексте инструкций часто дают и одинаковые реакции. Но на каком уровне достоверности эти различия значимы, нами пока не определялось.

Следуя за Розенцвейгом, многие исследователи продолжают предлагать записывать ответ испытуемого [14, 24 и др.] в пустой квадрат, изображенный над фрустрируемым персонажем. Практика показывает, что это не всегда удобно. Во-первых, текст ответа часто просто не входит в отведённое для него место. Во-вторых, стимульный материал, как правило, сохраняется для последующих испытаний, а если на карточке записывается ответ карандашом, а потом он стирается, то через какое-то время карточки становятся непригодными для дальнейшего применения.

Тест Розенцвейга используют как для индивидуального обследования, так и для группового. И если при индивидуальной работе при необходимости, сохраняется возможность разъяснить инструкцию, уточнить её или ответы испытуемого, то при групповой такая возможность пропадает, так как уточнение ответов всей группы требует много времени. Задерживать для этого группу из нескольких человек вряд ли будет разумным.

Конечно же, инструкцию, насколько бы строгой она ни была, допускается менять в силу каких-то объективных причин, но делать это надо весьма корректно. Но в любом случае следует придерживаться авторского варианта, адаптированного к нашей популяции.

Читателю предлагаются варианты инструкций, представленные в материалах Н.В. Тарабриной [24], С. Е. Лукина и Д. В. Суворова [14], а также автора данной разработки. Первая из них – вариант Н. В. Тарабриной, даётся, как уже указывалось, без сокращений и со всеми пояснениями к ней:

«Испытуемому вручается серия рисунков и дается инструкция: «На каждом рисунке изображены два или несколько человек. Один человек слева всегда изображен говорящим какие-то слова. Вам надо написать в пустом квадрате первый пришедший на ум ответ на эти слова. Не старайтесь отделиться шуткой. Действуйте по возможности быстрее».

Оговорка в инструкции относительно избегания юмора возникла на основании опыта работы с тестом. Юмористические ответы во многом, вероятно, провоцируются видом рисунков, несколько напоминающим карикатуру, но ответы такого рода трудно поддаются подсчету. Розенцвейг отмечал, что экспериментальное изучение этого ограничения в инструкции может оказаться весьма плодотворным.

Затем испытуемому показывают, как надо отвечать. Просят взглянуть на первый рисунок, экспериментатор читает вслух слова действующего лица, изображенного слева, и после короткой паузы просит испытуемого составить в уме самый первый ответ, который представляется ему возможным для лица, изображенного справа. Когда испытуемый сообщит, что ответ готов, его просят записать этот ответ. После этого испытуемый должен перейти к другим рисункам и проделать то же самое. Отмечается общее время опыта. Как уже говорилось, тест может быть применен как в индивидуальном, так и в групповом испытании. Но в отличие от группового в индивидуальном исследовании используется ещё один важный приём: просят прочесть вслух написанные ответы. Экспериментатор отмечает особенности интонации и прочее, что может помочь в уточнении содержания ответа (например, саркастический тон голоса). Кроме того, испытуемому могут быть заданы вопросы относительно очень коротких или двусмысленных ответов (это также необходимо для подсчета). Иногда случается, что испытуемый неправильно понимает ту или иную ситуацию, и, хотя такие ошибки сами по себе значимы для качественной интерпретации, все же после необходимого разъяснения от него должен быть получен новый ответ. Первоначальный ответ нужно зачеркнуть, но не стирать резинкой. Опрос

следует вести по возможности осторожнее, так, чтобы вопросы не содержали дополнительной информации» [24, с. 6].

Инструкции испытуемому, предложенные С. Е. Лукиным и А. В. Суворовым [14, с. 13]:

Инструкция № 1

Основной вариант для взрослых (13 лет и старше) (для тестирования с фиксацией ответов на карточках).

«Перед Вами набор карточек с рисунками. На каждой карточке изображена ситуация, в которой одно из действующих лиц говорит определённые слова другому. Вам необходимо определить, что в данный момент отвечает тот персонаж, над которым изображен пустой квадрат.

Запишите его ответ в пустой квадрат. Записывайте первое, что приходит Вам в голову.

Если Вам кажется, что персонаж молчит, представьте, что он думает в ответ на обращенные к нему слова. Не старайтесь отделаться шуткой, представьте ситуацию серьезнее».

Инструкция № 2

(для тестирования с фиксацией ответов экспериментатором)

Заменяется второй абзац:

«...Сообщите его ответ вслух. Говорите первое, что приходит **Вам в голову**»

Инструкция № 3

(для тестирования с фиксацией ответов на бланке)

Заменяется второй абзац:

«...Свои ответы запишите разборчивым почерком **на ответном бланке**. Записывайте первое, что приходит Вам в голову».

Инструкция № 4

Основной вариант для детей (8-12 лет)

«Перед тобой лежат карточки. На каждой нарисованы два или несколько человек, детей или взрослых. Один из них что-то говорит другому – его слова записаны в нарисованном сверху квадрате. Другой отвечает. Но квадрат, нарисованный над ним – пустой.

Постарайся догадаться, что же отвечает этот мальчик или девочка, и скажи мне этот ответ».

Если мы хотим исключить запись ответов испытуемых в карточках стимульного материала, то инструкция может звучать следующим образом:

«Вам предложен набор из 24 рисунков, на каждом из них изображены два или более человек, оказавшихся в затруднительной ситуации. Слева всегда изображен человек, который обращается к другому с какими-то словами. То, что он говорит, написано обычно в квадрате над говорящим.

Как Вы думаете, что ответит тот, к кому эти слова обращены? Старайтесь отвечать серьезно, не отделяясь шутками и не раздумывая долго над ответом. Не отвечайте вопросом».

Такая инструкция даётся в случаях, когда испытуемый записывает свои ответы на обычном листе бумаги или подготовленном для этих целей бланке. Экспериментатор напоминает о том, чтобы были проставлены номера рисунков (карточек) и чтобы испытуемый соблюдал последовательность в работе с ними, не пропуская ни одного из них.

Проговариваются ответы испытуемым вслух или сразу записываются, в любом случае экспериментатор делает для себя необходимые уточнения как по содержанию ответов испытуемого, так и по их эмоциональной окрашенности. И уж если в силу каких-то причин мы допускаем прямые ответы испытуемых, то в этом случае инструкция будет примерно такой:

«Вам предложен набор из 24 рисунков, на каждом из них изображены два и более человек. Тот, кто находится на рисунке слева, обращается с ка-

кими-то словами к другому. Представьте себя на месте человека, изображенного справа, независимо от того, мужчина или женщина изображены на рисунке. Слова, написанные в левом верхнем квадрате, над говорящим, обращены к Вам. Что бы Вы сказали в ответ? Старайтесь долго не задумываться над ответом, не отделяйтесь шуткой и не отвечайте вопросом. Запишите, пожалуйста, Ваш ответ в бланке и не забудьте поставить его номер».

Какой вариант инструкции правомерен в исследовательских целях и в тех редких случаях, когда испытуемый отказывается «отвечать за другого».

Следует отметить тот факт, что в последнее время всё большую популярность приобретает компьютерная версия теста, позволяющая более оперативно провести обследование, получить результат и даже его интерпретацию. Но при этом допускаются ряд серьезных нарушений в процедуре тестирования: мы не можем видеть эмоциональной реакции испытуемого, отмечать её, мы лишаем его возможности дать свой ответ, а взамен предлагаем выбирать из ответов, сформулированных экспертами. Предлагаемые варианты часто «грешат» несоответствием содержания оценкам, присвоенным им.

После того, как испытуемый выполнил задание, и экспериментатором были уточнены какие-то моменты (если в этом была необходимость), мы начинаем оценивать его ответы в соответствии с руководством. **Любой вариант** ответа – единичный, двойной или состоящий как максимум из трёх разных реакций, в итоге может получить только один балл. Причем, если ответ оценен одним фактором (как одна реакция), ему присуждается 1 балл, если ответ имеет два или три фактора, то исчисление производится на пропорциональной основе, когда каждому фактору придается равное значение. Так, если ответ был оценен как одна E-реакция, то это будет соответствовать 1 баллу. Если он был оценен как две реакции, E-реакция и e-реакция, то каждому из этих факторов присваивается по 0,5 балла, а общий суммарный показатель будет равен 1 баллу.

Когда же ответ содержит в себе три реакции (Е, е и i-реакции), каждая из них оценивается по 0,33 балла, а суммарная оценка опять будет равна одному баллу.

Таким образом оценки 24 стимульных ситуаций (картинок) дают нам соответственно 24 балла.

3.2. Обработка результатов обследования

После того, как испытуемый ответит (устно или письменно) на все предложенные в тесте ситуации, мы начинаем обработку полученных результатов с оценки ответов испытуемых.

Ответы испытуемых оцениваются по двум критериям – по направленности и по типам реакций. Реакции направленности делятся на три группы:

1. *Экстрапунитивные* (от англ. extrapunitive – внешне карательные, внешне наказующие) – внешне-обвинительные реакции, которые обозначаются как Е-реакции и приписываются тем ответам испытуемого, в которых он обвиняет внешнее препятствие или других людей. Гнев, злость, раздражение – это обычные эмоции, сопровождающие такой ответ.

В общую группу Е-реакций входят и те ответы, в которых присутствует обращение к кому-либо с просьбой, требованием разрешить создавшуюся ситуацию, «убрать» фрустратор или каким-то образом снизить его значимость. К экстрапунитивным такие ответы можно отнести только за счёт их внешней направленности, так как обращение идёт вовне, к кому-то. Такие ответы не признаются агрессивными, они входят в категорию активных и конструктивных.

2. *Интропунитивные реакции* (от англ. intropunitive – наказывающие себя) – реакции самообвинения. Они обозначаются как I-реакции. Ответы испытуемого указывают на то, что в ситуациях фрустрации он обвиняет себя. В ответах присутствует порицание себя, недовольство собой, негодова-

ние на себя, признание собственной вины. Такие ответы сопровождаются чувством стыда, угрызания совести, чувством вины.

Как и в первом случае, в группу ответов самообвинения входят конструктивные ответы, указывающие на готовность испытуемого, его желание, решимость и способность найти адекватный конструктивный выход из ситуации фрустрации. Здесь нет обвинения, но есть общая для всей группы реакций по направленности – внутренняя направленность, на себя: «Я могу...», «Я сделаю сам...» и т. д.

3. *Импунитивные реакции* (от англ. *impunitive* — без наказания, некарательные) – реакции безобвинительные. В протоколе они обозначаются как М-реакции. М-ответы субъекта указывают на его индифферентное отношение к ситуации, его безразличие к ней, её обесценивание или, в некоторых случаях, согласие с ситуацией препятствия или с чьим-то обвинением. В эту же группу входят ответы, в которых испытуемый рассматривает ситуацию примиряющим образом, когда никто не обвиняется за фрустрацию. К импунитивным относятся и ответы, указывающие на то, что ситуация может разрешиться сама собой.

Типы реакций. Их тоже три группы.

1. *Препятственно-доминантный тип реакций*, обозначаемый как ОД-реакции (от англ. *obstacle dominance* – препятствие преобладает). При этом типе ответов главную роль играет само препятствие, вызывающее фрустрацию. Или оно значимо для человека и фрустрирует его, или оно имеет некий положительный смысл, или же это препятствие незначимо. Но в любом случае акцент ставится на препятствии, а не на персоне, не на субъекте.

По Розенцвейгу ОД-реакции указывают на конфликт между двумя следующими типами реакций – эгозащитными и необходимостно-упорствующими.

2. *Эго-защитные реакции*, или ЕД-реакции (от англ. *ego defence* – эго и оборона, защита) – тип реакций, соответствующий тем ответам испы-

туемого, в которых он сам (как персона) играет наибольшую роль в ситуациях фрустрации: Он либо порицает кого-то и возлагает ответственность на другого, либо берёт вину и ответственность за случившееся на себя. Сюда же относятся и те ответы, в которых звучит нежелание испытуемого вообще кого-либо обвинять.

Розенцвейг находит ЕД-реакции деструктивными.

3. *Необходимо-упорствующий тип реакций*, NP-реакции (от англ. necessary persistent – необходимый, неизбежный и упорный, стойкий). В ответах испытуемого при таком типе реакций мы видим его стремление разрешить ситуацию каким-то образом. Может быть, с помощью других лиц, может быть, собственными силами, а в некоторых случаях он доверяет естественному ходу событий снять фрустрацию. Розенцвейг называет необходимо-упорствующий тип реакций конструктивным.

Необходимо-упорствующие реакции могут рассматриваться и как показатель свободы личности от фрустрации. Ссылаясь на результаты проведенных исследований, Е. И. Кузьмина [8] указывает на положительные корреляции NP-реакций с высоким уровнем интеллекта, умением выделять главное в трудных ситуациях, способностью глубоко осознавать и адекватно оценивать ситуацию фрустрации, с независимостью и уверенностью в себе, с высоким жизненным тонусом и положительным отношением к другим.

Из комбинации трёх направленностей и трёх типов ответов на фрустрацию мы получаем 9 возможных, отличающихся друг от друга вариантов (факторов), имеющих свою персональную оценку и соответственно свой символ оценки. Рассмотрим их подробнее.

Экстрапунитивные ответы (Е-реакции) включают в себя:

1. *Е-экстрафиксированные реакции*, подчеркивающие наличие препятствия, которое фрустрирует. Субъекту не по себе. Акцент делается на препятствии. Возможно заикливание, застревание на нём. В ответах часто слышится безысходность, растерянность, апатия. Варианты ответов могут

быть следующими: «Очень жаль...», «Вот так неудача...», «Надо же...», «Какая досада...», «Как же так...», «Ой-ой-ой...», «Какой ужас...», «Да, печально...» и т. д.

2. *Е-экстрапунитивные реакции* с откровенными деструктивно-агрессивными тенденциями. В ответах испытуемого – порицание, враждебность, обвинение, направленные на кого-то (вовне). Угрозы, упреки, брань, сарказм или издевки. Гораздо реже агрессия направлена на неодушевленные предметы, обычно она адресована другому лицу. Например: «Безобразие!», «Сам такой!», «Больше никогда не повторяйте ничего подобного!», «Не надо было обещать!», «У тебя нет чувства ответственности» и т. д.

В экстрапунитивных ответах отдельно оцениваются экстрапунитивные отрицающие ответы (Е-реакции), в которых субъект агрессивно отрицает то, в чём его обвиняют. Под символом Е ставится знак отрицания. Е-оценка может быть применима только в суперэгоблокинговых ситуациях, где присутствует обвинение субъекта за случившееся. Субъект отрицает свою ответственность за проступок и агрессивно реагирует на несправедливое, как он считает, обвинение или претензии к нему. Символ Е ставится в следующих ответах: «Я не делал того, в чём вы меня обвиняете.», «Это сделал вовсе не я!», «Я? Да меня здесь и близко не было!» и т. д.

3. *Экстраупорствующие, е-реакции* — это те реакции, в которых наблюдаются конструктивные тенденции. Субъект обращается к другому участнику события за реальной помощью в разрешении ситуации, он просит, требует или предполагает, что именно другой может найти конструктивное решение. Под символом «е» могут быть примерно такие ответы: «Назначьте, пожалуйста, мне удобное время.», «Сделайте это Вы.», «Найди запасные ключи», «Дайте мне, пожалуйста, другую» и т. д.

В группу интропунитивных ответов входят:

1. *Г - интрофиксированные реакции.*

В эгоблокинговых ситуациях (ситуациях препятствия) так оцениваются ответы, в которых подчеркивается наличие преграды, препятствия. Срываются планы, это фрустрирует субъекта, но в то же время он находит нечто приятное для себя, даже полезное или, по крайней мере, он рассматривает случившееся как урок, как опыт. Ответы бывают примерно такими: «Какое совпадение», «Посуда бьётся к счастью», «Зато я рад посидеть с тобой рядом», «Это меня многому научило», «Теперь у меня появилось свободное время» и т. д.

2. *I-реакции (интропунитивные)*. В суперэгоблокинговых ситуациях такой символ присваивается ответам, в которых выражается смущение по поводу того, что субъект явился причиной фрустрации другого человека, он признаёт за собой вину и ответственность за это. Варианты ответов могут быть следующие: «Простите, пожалуйста.», «Я очень сожалею, что причинил Вам такое беспокойство.», «Я сам виноват, что сел в Вашу машину.», «Это всё из-за меня.» и т. д.

В этой группе ответов выделяют интропунитивные отрицающие реакции. Они обозначаются символом I, который указывает на то, что человек не признает свою вину за случившееся, он признает только то, что внёс свою лепту в создание ситуации фрустрации, но в то же время он ссылается на неизбежные обстоятельства, смягчающие его вину. Он объясняет свой поступок как случайный, непреднамеренный. Только сложившиеся обстоятельства были причиной такого события.

Примеры ответов как I-реакций: «Извините, я не хотел этого», «Простите, я задумался», «Я не предполагал, что так получится» и т. д.

3. *Интроупорствующие, или i-реакции*. Символом i оцениваются ответы, указывающие на желание, готовность человека самому разрешить ситуацию каким-то конструктивным, рациональным и эффективным способом. Главная персона здесь – сам субъект, оказавшийся в ситуации фрустрации и способный к её разрешению своими силами. Ответы бывают следующие: «Я

куплю Вам новую.», «Я все улажу сам.», «Я схожу к нему сегодня.», «Одну минутку, сейчас я открою.» и т. д.

Импунитивные ответы также делятся на три группы:

1. M^* — это символ импунитивных фиксированных реакций, то есть реакций с фиксацией на объекте фрустрации, на самой ситуации. Это могут быть ответы с индифферентным отношением субъекта к фрустрации, или же, когда она для него незначима. Препятствие не является фрустрирующим, оно обесценивается, оно – как некий пустяк.

Примеры ответов: «Пустое.», «Не беда.», «Мелочи жизни.», «Нет проблем.», «Ничего, посидим под дверью.» и т. д.

Необходимо отметить, что этим символом обозначаются и те ответы, в которых звучит согласие субъекта с ситуацией, с какими-то ограничениями, возникшими в связи с ней: «Хорошо, пусть будет две», «Ну и ладно», «Пусть будет по-Вашему» и т. д.

Иногда символом M^* обозначаются и ответы-шутки, якобы обесценивающие фрустрацию, но на самом деле это не всегда так. За шуткой, иронией может скрываться агрессия. За слишком частым обесцениванием ситуации может быть и фрустрационная «загруженность», которую не желает показать субъект.

2. *M-реакции (импунитивные)* – это ответы испытуемого, в которых фрустрирующее лицо освобождается от всякой вины, и ситуация рассматривается примирительным образом: никто не виноват – ни сам субъект, ни тот, кто создал ситуацию фрустрации. Ответы могут быть такие. «Наверно, что-то случилось.», «Вы всё равно ничего не смогли бы сделать.», «Это не зависит от неё.», «Наверно, нет автобуса.» и т. д.

3. *Им-упорствующие, им-реакции* – это ответы субъекта, выражающие надежду на то, что время и естественный ход событий помогут разрешить ситуацию фрустрации. Проблема снимется сама собой, этому может помочь

и время. Акцент ставится на объекте, на ситуации или на будущем времени, когда всё образуется. Примеры ответов: «Ещё не вечер.», «Поживём – увидим.», «Время лечит.», «Когда-нибудь завезут.».

На ситуацию 14 теста Розенцвейга часто идёт ответ: «Ждем 5 минут и уходим», который оценивается, как правило, символом «m», но такая оценка неверна. Здесь нет ожидания, что ситуация разрешится сама собой, и 5 минут, указанных в ответе, не играют в пользу m-реакции. Скорее, здесь запрашивается двойная оценка необходимо-упорствующего типа, конструктивных e-, i-реакций. Понятие «мы» включает в себя субъекта и другое лицо, оказавшееся с ним в одной ситуации. Это они принимают решение ждать 5 минут и после этого уйти.

Оценивание ответов, предполагающих m-реакции, – один из трудных моментов в обработке результатов. Символом «m» обозначаются даже те ответы, где присутствуют понятия «я», «мы», «ты» и т. д. [24, с. 10; 14, с. 40-62], но m-реакции – это прежде всего реакции, в которых акцентируется объект, но не персона, не субъект. Чтобы не допускать ошибок при «кодировании» ответов теми или иными символами, надо помнить, что именно акцентируется в ответе – субъект или объект фрустрации. В случаях, где основное внимание уделяется субъекту, необходимо строго, чётко дифференцировать e-реакции, i-реакции или e-, i-реакции, когда в ответе используется слово «мы».

И, конечно же, чтобы избежать ошибок или свести их к минимуму, необходимо уточнять у испытуемого, что именно стоит за его ответом, какие эмоции сопровождают его ответ.

При обработке данных выделяют пять основных этапов. Первым этапом является определение коэффициента групповой конформности.

3.3. Первый этап. Вычисление коэффициента групповой адаптации

Признаки конформности в группе (GCR – group conform rate) – или то, что в отечественных исследованиях называют коэффициентом групповой адаптации (КГА), измеряют «конформность» ответов по отношению к средним данным по выборке.

Показатель GCR (КГА), который мы получаем с помощью теста Розенцвейга, позволяет нам судить об «индивидуальной адаптации субъекта к своему социальному окружению» [24, с. 13]. Но понятие социальной адаптации гораздо шире, чем конформность индивида в группе. Может быть поэтому в известных нам источниках не найдено подробного описания GCR и более полной интерпретации его показателей. Не отмечен и тот факт, что GCR определяется только при ситуациях фрустрации, поэтому прямой перенос значений GCR в социальную сферу индивида, в его групповые отношения вообще – некорректен. Даже если мы предполагаем только проекцию.

Показатель GCR определяется путём сравнения ответов испытуемого со «стандартными» их 14 для здоровой группы взрослых.

«Среди всего разнообразия ответов испытуемых какой-то группы могут быть выделены путём соответствующих статистических процедур одинаковые или сходные ответы, которые можно считать характерными для отдельных ситуаций теста» [24, с. 11].

Каждое совпадение ответа, его оценки со стандартными оцениваются в один балл. Следует учитывать то, что ответы могут быть развёрнутыми, а правила работы с тестом допускают до трёх вариантов ответа на одну фрустрирующую ситуацию.

Поэтому в случае, когда в «ключе» есть два варианта ответа, а в ответе испытуемого только один из них, то такое совпадение тоже оценивается в 1 балл. Например, на ситуацию № 12 в «ключе» мы имеем E-, m-реакции, а в нашем случае только E-реакция, или только m-реакция.

Если же испытуемый даёт двойной ответ, состоящий из двух разных по характеру, при этом только один из них соответствует стандартному ответу, такой вариант оценивается в 0,5 балла. Например, если в той же таблице GCR ответ на ситуацию № 10 оценивается как E-реакция, а у испытуемого ответ на эту ситуацию обозначен как E-, e-реакции, то такой ответ получает 0,5 балла. В «ключе» для здоровых взрослых людей три значения на одну реакцию отсутствуют.

Если ответы испытуемого не соответствуют «стандартным» и соответственно символы, обозначающие их, не совпадают со стандартными, то в этом случае баллы не присуждаются. Полное несоответствие со стандартными ответами – это 0 баллов.

После сравнения ответов испытуемого со стандартными ответами, суммируются все полученные сырые баллы по GCR, а затем вычисляется его процентная величина с помощью прилагаемой в руководстве таблицы или по формуле;

$$GCR = \frac{\sum n * 100}{14}, \text{ где}$$

$\sum n$ – сумма баллов совпадений ответов со стандартными. Число 14 – число стандартных ответов.

В прил. 2 представлены таблицы для перевода сырых баллов GCR в проценты. Дополнительные сведения о некоторых нюансах или разночтениях относительно стандартных ответов можно найти в работах Н. В. Тарабриной, С. Е. Лукина, А. В. Суворова и других [9,14,24,26].

В некоторых руководствах и методических указаниях по применению теста Розенцвейга при вычислении GCR рекомендуется умножать на два число найденных совпадений. Но в этом случае мы получаем невозможный результат. Например, если у нашего испытуемого число совпадений равно 12, то при умножении на 2 мы получим значение, выходящее за рамки возможного, то есть 24. Если исходить из того, что за 100 % мы принимаем чис-

ло 14, то в нашем невероятном случае GCR испытуемого будет равен 171 %, что исключается. Возможно, такая процедура имеет место при «ключе» из 12 стандартных ответов, которые переводятся в проценты с помощью таблицы-перевода значений реакций, когда за 100 % принимается число 24 (по количеству картинок). Но вряд ли это удобно.

3.4. Второй этап. Определение и анализ профилей

Для удобства выполнения этой работы используют таблицу (Прил. 1), представляющую собой 9 квадратов профилей, соответствующих девяти факторам (реакциям), которые мы можем получить при комбинации трёх типов и трёх направленностей ответов.

Таблица 2

Профили реакции на фрустрацию

Направление реакций	Типы реакций			Сумма баллов	Проценты
	ОД	ЕД	NP		
Е	Е	Е, <u>Е</u>	<i>e</i>		
І	І	І, <u>І</u>	<i>i</i>		
М	М'	М	<i>m</i>		
Сумма баллов				Всего: 24 балла	
Проценты					100%*

Итак, на 24 ситуации мы получили соответствующие реакции, которые в итоге могут быть оценены каждая в один балл, с учётом того, что допускаются единичные ответы, ответы по характеру реакции, а также содержащие две или три разные реакций. Смотрим, как часто встречается тот или иной фактор, подсчитываем сумму баллов по каждому фактору и вносим её в со-

*Если какая-то ситуация была все-таки пропущена испытуемым или рассматривалась как не поддающаяся подсчёту [например, был ответ в форме вопроса], то надо исходить из конкретного числа рассматриваемых ситуаций, принимаемого за 100 %.

ответствующий квадратик таблицы профилей. Например, E'-реакции набрали 3,5 балла, E-реакции — 7 баллов, e-реакции — 4 балла и т. д. по всем типам и направленности ответов. Баллы по E- и E-реакциям записываются под каждым из этих символов, но в одном квадрате и в дальнейшем рассматриваются как суммарный показатель.

Это же правило распространяется на I- и I-реакции.

Когда все 9 квадратов таблицы профилей заполнены, суммируются баллы по строкам, т. е. по каждой направленности ответов и по столбцам (по типам ответов на фрустрацию). После этого показатели записываются в соответствующих клетках таблицы. «Сырые» баллы переводятся с помощью таблицы в проценты или рассчитываются исходя из того, что за 100 % мы берём число 24, если имеем ответы на все 24 ситуации (Прил. 2)

Средние величины показателей по типам и направленности реакций близки между собой, за исключением значений E- и ED-реакций. У обычных, нормальных взрослых субъектов: всех E-реакций – 40 %, I-реакций 30 % и менее, M-реакции – 30 % и более, OD-реакции – 20 %, ED-реакции – 50 % и NP-реакции – 30 %.

Если показатель OD-реакций больше среднего значения, больше нормы, это указывает на сильную фрустрационную «загруженность». Если ниже нормы – таковая отсутствует.

При ED-реакциях выше нормы можно предполагать слабое «Я», требующее какой-либо формы психологической защиты. При ED-реакциях ниже средних значений — сильное «Я» и тенденции человека к рациональному выходу из ситуации фрустрации.

Значения NP-реакций выше нормы указывают на хорошо развитый рациональный способ выхода из ситуации. Низкие NP-реакции соответствуют плохо развитому рациональному, конструктивному способу разрешения фрустрации.

Высокие значения E-реакций соответствуют высокой агрессивности. Низкие E-реакции означают неагрессивное реагирование.

I-реакции больше нормы указывают на сильное чувство вины. Низкие – означают слабое чувство вины.

M-реакции выше нормы предполагают неадекватность восприятия значимости фрустрации. При M-реакциях ниже нормы характерна фрустрационная «загруженность», отсутствие способности воспринимать ситуацию фрустрации несколько отстранено.

Для определения профилей реакций на фрустрацию необходимо сложить оценки факторов по типам и направлению реакций, воспользовавшись следующими формулами:

$$E\text{-реакции} = E' + (E + \underline{E}) + e;$$

$$I\text{-реакции} = I' + (I + \underline{I}) + i;$$

$$M\text{-реакции} = M' + M + m$$

$$\text{ОД-реакции} = E' + I' + M';$$

$$\text{ЕД-реакции} = (E + \underline{E}) + (I + \underline{I}) + M;$$

$$\text{NP-реакции} = e + i + m$$

Полученные таким образом результаты переводятся в проценты и записываются в соответствующие клетки таблицы профилей.

Практический опыт использования методики, е` применение в исследованиях показывают, что общая интерпретация профилей иногда отличается от интерпретации тех реакций, которые создают данный профиль. Например, профиль по типу реакций ОД будет низким, что соответствует определённой интерпретации, прежде всего отсутствию фрустрационной загруженности. Но при этом мы можем иметь высокий показатель по E' и низкий по I' и M' ответам, которые и дают нам профиль по ОД.

3.5. Третий этап. Определение и анализ образцов

На основании профиля числовых данных («сырых» баллов) составляются три основных и один дополнительный образец реакций субъекта на фрустрацию, модель (паттерн) его ответов.

Первый образец выражает относительную частоту только по направлениям реакций – экстрапунитивные, интропунитивные и импунитивные реакции располагаются в порядке их убывания и записываются соответствующим образом. Например, $E = 12$, $I = 7$, $M = 5$. В этом случае запись первого образца будет иметь следующий вид: $E > I > M$.

Второй образец — это образец, выражающий частоту возникновения реакции только по типам: ОД, ЕД, NP. Если, например, ОД = 10, ЕД = 8, NP = 6, то запись второго образца будет следующая: $ОД > ЕД > NP$.

Третий образец выражает относительную частоту трёх факторов, наиболее часто встречающихся в протоколе испытуемого независимо от направления или типа реакций. Запись производится аналогичным способом.

Третий образец рассматривается как основной или тотальный паттерн.

Четвертый, дополнительный образец, так называемый суперэгопаттерн, определяется путём сравнения ответов \underline{E} и \underline{I} в ситуациях «препятствия» и ситуациях «обвинения». Сумма \underline{E} - и \underline{I} -реакций рассчитывается в процентах. Так как только 8 тестовых ситуаций из 24 позволяют подсчёт \underline{E} и \underline{I} , то максимальный процент таких ответов будет составлять 33 % или 1/3. При интерпретации четвёртого образца результаты сравниваются с этим максимальным числом.

3.6. Четвертый этап. Определение и анализ тенденций

Предполагается, что испытуемый во время опыта может в силу разных причин поменять своё отношение к ответам. Например, реакции испытуемого экстрапунитивной направленности с агрессией на окружение могут под воздействием возникшего чувства вины, страха наказания (порицания) за аг-

рессивность своих ответов поменяться на самообвинительные. Определение таких тенденций и их анализ дают возможность выяснить причину их возникновения.

Тенденции могут быть положительные или отрицательные. Это зависит от того, увеличилось (тенденция «+») или уменьшилось (тенденция «-») количество факторов от первой половины теста (с 1-й по 12-ю стимульную ситуацию) ко второй (с 13-й по 24-ю ситуацию).

Тенденции рассматриваются в том случае, если фактор содержится как минимум в четырёх ответах испытуемого и имеет минимальную оценку «±» 0,33. Тенденция (Т) рассчитывается по формуле:

$$T = \frac{a - b}{a + b}, \text{ где}$$

«а» – частота, количественная оценка проявления какого-либо фактора в первой половине протокола (ситуации 1–12), «в» – частота оценки фактора во второй половине (от 13 до 24). Увеличение (+) или уменьшение (-) тенденции по какому-то фактору обозначают в виде стрелы, направленной соответственно вправо (или вверх), влево (или вниз), у её основания записывают полученный результат. Например: + 0,11↑ или — 0,18↓.

Определяются и анализируются пять типов тенденций.

Тип 1. Рассматриваются ОД-реакции, каждая в отдельности: Е', I', M' – в первой половине теста и во второй. Например, фактор Е' появляется во всём протоколе всего шесть раз, т. е. более четырех раз, это даёт нам право рассматривать тенденцию. Три раза он встречается в первой половине теста с оценкой 2,5 балла и три раза – во второй с оценкой 2 балла. Соотношение между оценками получаем в + 0,11. Фактор I' появляется в целом только один раз, фактор M' появляется три раза, это указывает на то, что 1-я тенденция по этим реакциям не наблюдается, а значит, и не рассматривается.

Тип 2. Аналогично определяются факторы типа ЕД-реакций (Е, I, М), представляющие собой второй тип тенденций.

Тип 3. Аналогично определяются факторы NP-реакций (e, i, m).

Тип 4. Рассматриваются тенденции по направлению реакций независимо от их типов, т. е.: все E-реакции, все I-реакции и M-реакции.

Тип 5. Аналогично определяются тенденции по всем факторам OD-реакций в первой половине теста и во второй; по всем факторам ED-реакций и по всем факторам NP-реакций.

Тенденция признаётся значимой, если она достигает по абсолютной величине не менее, чем 0,33, что указывает на появление фактора в одной половине теста в два раза чаще, чем в другой.

Чтобы выяснить причины появления той или иной тенденции, испытуемому задаются дополнительные, уточняющие вопросы.

3.7. Пятый этап. Интерпретация результатов

Как правило, интерпретация начинается с объяснения значений GCR – коэффициента групповой конформности. При низких значениях GCR предполагается, что субъект часто конфликтует с окружающими, так как недостаточно адаптирован к своей группе, к своему окружению. Данные, касающиеся степени групповой адаптации, могут быть получены и путём повторного обследования, когда испытуемому ещё раз предъявляются рисунки, но инструкция при этом несколько меняется: испытуемого просят дать «правильный», «эталонный» ответ. Рассогласование ответов в первом и втором испытании даёт дополнительную информацию о показателе социальной адаптации.

Далее интерпретируются все девять и два дополнительных варианта реакций. Затем мы переходим к интерпретации суммарных показателей по типам и направлению реакций, соотнося их со средними значениями. Далее описываются образцы и тенденции.

После того как произведена интерпретация результатов по каждому отдельному моменту, экспериментатор приступает к общей качественной интерпретации. Здесь надо обратить внимание на следующие моменты:

- нет ли внутритестовых противоречий, т. е. не получаем ли мы прямо противоположных данных и соответственно характеристик. Если имеем, то почему?;

- нет ли показателей по типам и направлениям реакций, равных нулю;

- при анализе реакций, выраженных в тех или иных значениях, обязательно сопоставляем последние со значениями GCR.

Если есть нулевые реакции, то что это за реакции, формы поведения, которые избегает субъект? Считается, что наличие нулей в результатах указывает на негибкость, шаблонность поведения субъекта в ситуациях фрустрации, его неадекватность и неэффективность.

Иногда при низком показателе коэффициента групповой конформности у испытуемого преобладают конструктивные, например, *i*-ответы. Но гипертрофированная самостоятельность и неверие в способность других успешно выйти из ситуации фрустрации, не являются эффективной формой поведения.

В сборнике «Лучшие психологические тесты» мы находим модификацию теста Розенцвейга, предложенную Н. Г. Хитровой [15], и интерпретацию реакций на фрустрацию с учётом их связи с деловыми качествами человека. Интересующиеся возможностями теста применительно к деловым фрустрирующим ситуациям могут найти нужные сведения в названном сборнике.

В других сборниках или отдельных методических разработках мы можем найти сведения о количественной и качественной интерпретациях для взрослого варианта теста. Гораздо сложнее положение с интерпретаторами для детского варианта. Чаше издаются, как приложение к взрослому вариан-

ту методики, сам стимульный материал и таблицы средних статистических норм, полученные на той или иной возрастной группе.

И. А. Фурманов [25] предлагает использовать подход, основанный на теории фрустрации Розенцвейга, для составления самой простой схемы наблюдения за поведением ребёнка. Фрустрирующая ситуация есть прекрасный индикатор, показывающий изменения в поведении ребёнка, позволяющий диагностировать такие изменения.

В своей работе И. А. Фурманов традиционно даёт общую краткую характеристику типов и направлений реакций, при этом выделяет аффективно-динамические, вербальные и поведенческие ответы, а также указывает защиты, «сопровождающие» ту или иную реакцию. Каждая реакция иллюстрируется примерами.

Такой структурированный подход способен помочь начинающему исследователю при анализе результатов, их количественной и качественной интерпретации. Единственное, с чем трудно согласиться, так это с тем, что при экстрапунитивном упорствующе-решающем типе наблюдаются такие аффективно-динамические реакции, как «...гнев, обида, раздражение, невозможность отвлечься, успокоиться, ригидность («застревание») эмоций» [25, с. 50].

По Розенцвейгу, все реакции этого типа – конструктивные и интерпретируются иначе: прежде всего как обращение к другому за помощью. Реакции агрессии или явной фрустрированности в сочетании с е-реакцией будут оцениваться соответствующим образом, то есть как E' и E . Это будет тот самый случай, когда ответ субъекта оценивается не одним, а двумя или тремя символами.

Подобное замечание может быть и относительно чувства стыда, как аффективно-динамической реакции при интропунитивных, упорствующе-разрешающих ответах.

Показатель GCR, полученный с помощью методики Розенцвейга, особенно информативен и интересен в случаях, когда коммуникативные взаимодействия с окружающими играют важную роль в жизни человека, когда часто перед ним возникает необходимость разрешения конфликтных ситуаций.

Высокий GCR, по мнению С. Е. Лукина и А. В. Суворова [14], характерен для лиц, социально гибких, умеющих приспособлять свои реакции к существующим социальным стандартам. Но этот показатель, как отмечают они далее, «не является универсальным, он не охватывает таких важных коммуникативных характеристик, как проницательность и искущённость в общении, умение организовывать социальное взаимодействие и даже коммуникабельность» [14, с. 22].

Показатель GCR выступает как определяющий степень соответствия поведения индивида существующим в какой-то конкретной группе эталонам реагирования на фрустрирующие ситуации, позволяющий успешно преодолевать эти ситуации, конструктивно и эффективно разрешать их.

Низкие значения GCR имеют противоположные характеристики, но в каждом случае необходимо обязательно смотреть, что даёт низкий коэффициент групповой конформности, какие именно реакции «помогли» получить такой показатель. Не всегда низкий GCR имеет положительную связь – только с ОД- или ЕД-реакциями, которые Розенцвейг рассматривает как деструктивные.

Список литературы:

1. Альманах психологических тестов. – М.: Изд-во КСП, 1995. – 400 с.
2. Берон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер, 1998. – 336 с.
3. Богомолов Ю. П., Воронкин И. А., Куст В. П., Соколов В. П. Краткие сведения по применению некоторых медико-психологических тестов // Вопросы психологической адаптации. – Новосибирск, 1974. – С. 26– 42.

4. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психологической диагностике. – Киев.: Наукова думка, 1989. – 165 с.
5. Бурлачук Л. Ф. Проблема исследования бессознательного психического проективными методами // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. – Тбилиси, 1978. Т. 3. – С. 638–643.
6. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) – М: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
7. Елисеев О. П. Конструктивная типология и психодиагностика личности / Под ред. В. Н. Панфилова. – Псков: Изд-во ПОИУУ, 1994. – 280 с.
8. Кузьмина Е. И. Исследование детерминант свободы-несвободы от фрустрации // Вопр. психологии. 1997. № 4. – С. 86–94.
9. Коновалов Е. П. Нормирование методики Саула Розенцвейга «PF-study» на группе школьников 9–10 лет. – Дипломн. работа, ф-т психологии ДВГМА, Владивосток, 1998.
10. Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопр. психологии. 1967. № 6. – С. 118–129.
11. Липман М. Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия // Вопр. философии. 1995. №2. – С. 110–121.
12. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 272 с.
13. Лубовский Д. В. О применении теста фрустрации Розенцвейга в школьной психодиагностике // Вопр. психологии 1990. № 3. – С. 151–154.
14. Лукин С. Е., Суворов А.В. Тест рисуночной ассоциации С. Розенцвейга. Руководство по использованию. – СПб, 1993. – 62 с.
15. Лучшие психологические тесты. Сборник. – Л., 1992.
16. Нравственность, агрессия, справедливость / Пер. с англ. А. В. Александровой // Вопр. психологии. 1992. № 1. – С. 84–97.

- 17.Обуховский К. Психология влечений. – М.: Прогресс, 1972. – 247 с.
- 18.Пошивалов В.П. Экспериментальная психофармакология агрессивного поведения. – Л., 1986.
- 19..Психологический словарь / Общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд. – М.: Политиздат. – 1990. – 494 с.
- 20.Психологические тесты / Сост. Э. Р. Ахмеджанов. – М., 1996. – 320 с.
- 21..Румянцева Т. Г. Агрессия и контроль // Вопр. психол. 1992. № 5– 6. – С. 35–40.
- 22.Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 176 с.
- 23.Тарабрина Н. В. Анализ когнитивных этапов личностного реагирования во фрустрирующих ситуациях // Психологические исследования познавательных процессов и личности. – М.: Наука, 1983.
- 24.Тарабрина Н. В. Экспериментально–психологическая методика изучения фрустрационных реакций. Методические рекомендации. – Л., 1984. – 22 с.
25. Фурманов И. А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция. – Мн.: Ильин В.П., 1996. - 192 с.
- 26.Хмелевская О. Е. Стандартизация и нормирование методики «PF-study» С. Розенцвейга на выборке школьников 12–13 лет. Дипломн. работа. – Владивосток, 1993.
- 27.Энциклопедия психологических тестов. Мотивационные, интеллектуальные, межличностные аспекты. – М.: Изд-во АСТ, 1997. – 288 с.
- 28.Юлина Н. С. О педагогической методике обучения миролюбию – М. Липмана // Вопр. философии. 1995. № 2. – С. 106–109.

36
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица профилей

Оценка ответов

№	OD	ED	NP
1			
2			
3			
4			
5			
6			
7			
8			
9			
10			
11			
12			
13			
14			
15			
16			
17			
18			
19			
20			
21			
22			
23			
24			

Таблица профилей испытуемого

	OD	ED	NP	Сумма баллов	%	Стандартные баллы
Е						
І						
М						
Сумма баллов						
%						
Стандартные баллы						
Образцы				Тенденции		
Е = ... = ...%				1.		
ЕІ = ... = ...%				2.		
ЕЕ = ... = ...%				3.		
Ц = ... = ...%				4.		
МІ = ... = ...%				5.		
Общие образцы				GCR =баллов		
				GCR = %		

Приложение 2

Таблица перевода в
проценты показателей
телей

реакций. Данные
10 лет

Н. В. Тарабриной [23]

0,5=2,1%
1,0=4,2%
1,5=6,2%
2,0=8,3%
2,5=10,4%
3,0=12,5%
3,5=14,6%
4,0=16,6%
4,5=18,7%
5,0=20,8%
5,5=22,9%
6,0=25,0%
6,5=27,0%
7,0=29,1%
7,5=31,2%
8,0=33,3%
8,5=35,4%
9,0=37,5%
9,5=39,6%
10,0=41,6%
10,5=43,7%
11,0=45,8%
11,5=47,9%
12,0=52,0%
12,5=52,1%
13,0=54,1%
13,5=56,2%
14,0=58,3%
14,5=60,4%
15,0=62,5%
15,5=64,5%
16,0=66,6%
16,5=68,7%
17,0=70,8%
17,5=72,9%
18,0=75,0%
18,5=77,1%
19,0=79,1%
19,5=81,2%
20,0=83,3%
20,5=85,4%
21,0=87,5%
21,5=89,5%
22,0=91,6%
22,5=93,7%
23,0=97,9%
23,5=97,9%
24,0=100%

Таблица перевода в
проценты показателей

GCR . Данные

Н. В. Тарабриной

0,5=3,6%
1,0=7,1%
1,5=10,7%
2,0=14,3%
2,5=17,9%
3,0=21,4%
3,5=25%
4,0=28,6%
4,5=32,1%
5,0=35,7%
5,5=39,3%
6,0=42,9%
6,5=46,4%
7,0=50%
7,5=53,6%
8,0=57,1%
8,5=60,7%
9,0=64,3%
9,5=67,9%
10,0=71,4%
10,5=75%
11,0=78,6%
11,5=82,1%
12,0=85,7%
12,5=89,3%
14,0=100%

Таблица перевода в
проценты показате-

GCR для детей 9-

по исследованиям

Е. П. Коновалова [9]

0,5=2,6%
1=5,3%
1,5=7,9%
2=10,5%
2,5=13,2%
3=15,8%
3,5=18,4%
4=21,1%
4,5=23,7%
5=26,3%
5,5=28,9%
6=31,6%
6,5=34,2%
7=36,8%
7,5=39,5%
8=42,1%
8,5=44,7%
9=47,4%
9,5=50%
10=52,6%
10,5=55,3%
11=57,9%
11,5=60,5%
12=63,2%
12,5=65,8%
13=68,4%
13,5=71,1%
14=73,7%
14,5=76,3%
15=78,9%
15,5=81,6%
16=84,2%
16,5=86,8%
17=89,5%
17,5=92,1%
18=94,7%
18,5=97,4%
19=100%

Приложение 3

Таблицы стандартных ответов

Таблица для взрослых.

По данным Н. В. Тарабриной

номер рисунка	ТИПЫ РЕАКЦИЙ		
	OD	ED	NP
1.	M'	E	
2.		I	
3.			
4.			
5.			i
6.			e
7.		E	
8.			
9.			
10.		E	
11.			
12.		E	m
13.			e
14.			
15.	E'		
16.		EI	
17.			
18.	E'		e
19.		I	
20.			
21.			
22.	M'		
23.			
24.	M'		

Таблица для руководителей младшего и среднего звена.

По данным М. А. Чуракова [14]

номер рисунка	ТИПЫ РЕАКЦИЙ		
	OD	ED	NP
1.			
2.		I	i
3.			
4.			
5.			i
6.			e
7.		E	
8.			
9.			
10.		E	
11.	M'		
12.			
13.			
14.		M	
15.			
16.			
17.			
18.			
19.		I	
20.			
21.			
22.	M'		
23.			i
24.	M'		

Продолжение прил. 3

Стандартные ответы для детей 9-10 лет
12 лет

По данным Е. П. Коновалова [13]

номер рисунка	ТИПЫ РЕАКЦИЙ		
	OD	ED	NP
1.	E'M'		
2.			i
3.			e i
4.	M'		
5.			e
6.			
7.		<u>I</u>	
8.	M'		
9.		<u>I</u>	i
10.	E'		
11.			
12.		E	
13.			
14.		<u>I</u>	
15.	E'M'		
16.	M'		
17.	E'		
18.	M'	E	
19.		I	
20.			i
21.			
22.		<u>I I</u>	
23.			e
24.			

Стандартные ответы для детей 11–

По данным Д. В. Лубовского [9]

номер рисунка	ТИПЫ РЕАКЦИЙ		
	OD	ED	NP
1.			
2.			m
3.	M'		
4.			e
5.			e
6.			
7.		I	
8.		I	i
9.			
10.			
11.		I	
12.		E	
13.			
14.	M'		
15.	M'		
16.	E'		
17.			
18.			
19.	M'		i
20.			i
21.		I	
22.		I	
23.	M'		
24.			

Стандартные ответы к варианту теста «Деловые отношения».

По данным Н. Г. Хитровой [20]

номер рисунка	ТИПЫ РЕАКЦИЙ			номер рисунка	ТИПЫ РЕАКЦИЙ		
	OD	ED	NP		OD	ED	NP
1.	E'		e	11.			e
2.				12.	I'	I	
3.				13.			
4.			em	14.		M	m
5.			im	15.			im
6.		E	e	16.			i
7.		<u>I</u>		17.			m
8.				18.			
9.		E <u>E</u>		19.			m
10.		E		20.		M	e

Таблицы средних значений

Таблица средних значений для детей 10–11 и 12–13 лет. По данным С Розенцвейга [23]

Возраст	Направленность			Типы реакций		
	Е	І	М	OD	ED	NP
10-11 лет.	40,5	29,5	30,4	16,0	54,9	29,5
12-13 лет.	46,0	25,6	28,5	16,3	56,4	27,2

Таблица средних значений для детей 9–10 лет. По данным Е. П. Коновалова [9]

Реакции	OD	ED	NP	∑ баллов
Е	2,0–3,5	2,5–5	2,0–3,0	7,0–12,0
І	0	4,0–5,0	2,5–5,5	7,5–10,0
М	2,5–5,0	0	0,5	3,0– 6,0
∑ баллов	5,5–8,5	7,5–10,0	5,5–9,5	24

Таблица средних значений для детей 12-13 лет. По данным О. Е. Хмелевской [25]

Реакции	OD	ED	NP	∑ баллов
Е	0,5–1,5	5,5–7,0	3,0–4,0	10,5–12,0
І	0,5	2,0–3,0	4,0–5,0	7,0–8,0
М	2,5–3,3	1,0–1,5	0,5–1,0	4,5–5,5
∑ баллов	4,0–4,5	9,5–10,5	8,5–10,0	24

Средние значения для детей 11 - 12 лет. По данным Д. В. Лубовского [13]

Направленность реакций			Типы реакций		
Е	І	М	OD	ED	NP
35,3	30,5	33,8	36,2	29,9	34,4

Средние значения для взрослых 20-30 лет. По данным С. Е. Лукина и А. В. Суворова [14]

Направленность реакций			Типы реакций		
Е	І	М	OD	ED	NP
36,2	35,1	28,3	28,9	36,6	34,1

Средние значения GCR

Средние значения GCR для детей 10–11 и 12–13 лет.

По данным С. Розенцвейга [23]

GCR для 10–11 л. = 63,8%

GCR для 12–13 л. = 62,1%

Таблица средних значений GCR на разных выборках.

По данным Н. В. Тарабриной [23]

Основные группы	Средние значения	(в %)
Мужчины-летчики	9,02	64,3
Мужчины студенты-физики	8,99	64,2
Мужчины инженеры-конструкторы	8,91	63,6
Женщины инженеры-конструкторы	8,7	62,1
Больные неврозами	6,85	48,9

Средние значения GCR для детей 9 -10 лет. По данным Е. П. Коновалова [9]

GCR = 10–11,5 баллов (52,6–60,5 %)

Средние значения GCR для детей 11–12 лет. По данным Д. В. Лубовского [13] GCR = 55,6 %

Позиция №
в плане издания
учебной литературы
МГУ на 2007 г.

Рецензент: В.В. Калита

Составила Сахарова Вере Гавриловна

МЕТОДИКА САУЛА РОЗЕНЦВЕЙГА «PF-study»
И ПРИМЕНЕНИЕ В КУРСЕ ПСИХОДИАГНОСИКИ

Печатается в авторской редакции

уч.- изд. л.
Тираж 150 экз.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆
Заказ №

Отпечатано в типографии ИПК МГУ им. адм. Г.И. Невельского
690059, Владивосток, 59, ул. Верхнепортовая, 50а